

Юрий
Воробьевский

НЕИЗВЕСТНЫЙ
Булгаков
НА СВИДАНИИ С САТАНОЙ

Юрий Юрьевич Воробьевский

Неизвестный Булгаков.

На свидании с сатаной

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27443875

Неизвестный Булгаков. На свидании с сатаной: Алгоритм; Москва;

2011

ISBN 978-5-6994-8880-3

Аннотация

Многих поклонников творчества Михаила Афанасьевича Булгакова волнует вопрос: а случались ли в его собственной жизни сверхъестественные явления, описанные в романе «Мастер и Маргарита»? Книга Юрия Юрьевича Воробьевского посвящена именно малоизвестным мистическим аспектам жизни и творчества М. А. Булгакова. Демонический мир, по мнению автора, выходит на прямой контакт с талантливым человеком (через его членство в «инициатических» обществах или родовые, личные грехи) и наделяет его своими «дарами», которые описаны в психиатрии, как автописьмо или синдром Кандинского-Клерамбо, а в православной традиции называется одержимостью. Так, многие знаменитые произведения искусства (классический пример: Гете и его «Юный Вертер») создали «моду» на самоубийство, прославление зла, демонические

культы... Прошел через все это и М. А. Булгаков, считает Воробьевский, исследуя роль мистического в жизни и творчестве писателя.

Содержание

Вместо предисловия	6
Об Огненном Змее	9
Смесь дьявола с кровью	11
Посвящение в литературу	14
В магическом круге	19
О мистической экологии	38
Договор подписан кровью	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Юрий Воробьевский

Неизвестный Булгаков.

На свидании с сатаной

© Воробьевский Ю. Ю., 2011

© ООО «Алгоритм-Издат», 2011

© ООО «Издательство Эксмо», 2011

*** * ***

Вместо предисловия

Дело было в 1905-м. Однажды ночью проснулся мальчик. Разбудил сестру: «Знаешь, где я был сейчас? На балу у сатаны!» Звали мальчика Миша. Что за сон такой ему приснился? Откуда он взялся у живого и жизнерадостного ребенка?¹

Да и откуда сатана мог появиться, когда в душе мальчика созревала же мысль: Бога-то нет! Потом, лет через пять она, кажется, созреет окончательно. 3 марта 1910 года его сестра запишет в дневник: «Пахнет рыбой и постным. Мальчики [братья Коля и Ваня] сегодня причащались. Мы говеем, Миша ходит и клянет обычай поститься, говоря, что голоден страшно... он не говееет...» А в конце того же месяца идет такая запись: «...пережила я два интересных спора мамы и Вл. Дм. с Мишей и Иваном Павловичем, при моем косвенном участии... Теперь о религии... Я не ханжа, как говорит Миша. Я идеалистка, оптимистка... Я – не знаю... – Нет, я пока не разрешу всего, не могу писать. А эти споры, где И(ван) П(авлович) и Миша защищали теорию Дарвина и

¹ Свт. Игнатий (Брянчанинов) писал на это счет так: «Демон, имея доступ к душам нашим во время бодрствования нашего, имеют его и во время сна. В то время сна они искушают нас грехом, примешивая к нашему мечтанию свое мечтание. Также, усмотрев в нас внимание к снам, они стараются придать нашим снам занимательность, а в нас пробудить к этим бредням большее внимание, ввести нас мало-помалу в доверие к ним». Это многое объясняет, в том числе и в «творческой кухне», мы еще убедимся.

где я всецело была на их стороне – разве это не признание с моей стороны, разве не то, что я уже громко заговорила, о чем молчала даже самой себе, что я ответила Мише на его вопрос: «Христос – Бог, по-твоему?» – «Нет!»

В эти страницы дневника, вероятно, в 1940 году вложен листок: «1910 г. Миша не говел в этом году. Окончательно, по-видимому, решил для себя вопрос о религии – *неверие*. Увлечен Дарвином. Больше всего любил «Фауста» и чаще всего пел «На земле весь род людской».

...Удивительные свойства имеют революционные годы! Как будто индуцируется массовый психоз, и даже люди, не имеющие к событиям никакого отношения, переживают какое-то мистическое вторжение в душу. Характерно, что и во главе революционных событий зачастую становятся люди, психически нездоровые. Параноик «не знает раскола, противоречий, угрызений совести и «проклятых вопросов», отравляющих существование другим. Параноик всегда убежден, что он создан для великих событий» (Сироткина И. Классики и психиатры. М., 2009. С. 170).

В 1905 году психиатрические заведения Санкт-Петербурга и Москвы переполнились как никогда². А в далеком Каире в то самое время, когда на Красной Пресне шла стрельба, некто Алистер Кроули сидел и, не помня себя, записывал за диктовавшим ему голосом: «Делай что хочешь, и в этом

² То же самое произошло, например, во время «оранжевой революции» в Украине.

главный закон...» Диктовавший назвался демоном Айвазом.

«Делай что хочешь...» Пройдут годы, и балтийская матросня напишет на своих лозунгах несколько иначе: «Анархия – мать порядка». 1917-й год принесет мальчику, «побывавшему на балу у сатаны», новое видение. Случится это в селе Никольском Смоленской губернии. В морфинистском «прозрении» земский врач Михаил Афанасьевич Булгаков увидит огненного змея, сжимающего в смертоносных кольцах женщину. Это видение поразит. Потребуется излиться на бумагу. И он возьмется за ручку...

Об Огненном Змее

В инфернальном, дьявольском происхождении паразитического видения сомнения нет. Еще в конце XIX века исследователи фольклора отметили этот устойчивый сюжет. Вот, например, Сергей Максимов писал об Огненном Змее, который является «в виде сказочного чудовища – достойного соперника славных и могучих богатырей, «Змея Горыныча», превратившегося в удалого доброго молодца – женского любовника. Многие женщины, особенно в местах, живущих отхожими промыслами, передают священникам на исповеди, что их отсутствующие, а часто и умершие мужья являются к ним въяве и спят с ними, т. е. вступают в половое сношение...

Рассказы подобного рода чрезвычайно распространены, причем бросается в глаза удивительное однообразие частных этой явления и его печальных, нередко трагических, последствий... Самого посетителя сторонним лицам не видно, но в избе слышен его голос: он и на вопросы отвечает, и сам говорить начинает. Сверх того, посещения его заметны и потому, что возлюбленные его начинают богатеть на глазах у людей, хотя в то же время всякая баба, к которой повадился змей, непременно начинает худеть и чахнуть... а иная изводится до того, что помирает или кончает самоубийством...» (Русское колдовство. М.-СПб., 2002). Состоящий

из адского пламени пришелец ведь не любовью горит, он пышет злобой.

Истории эти – уже не об измене отсутствующему мужу, а об измене Богу. Хотя, конечно, и Огненный Змей может погореть. В юности подобное видение было и преподобной Елене Мантуровой и тогда она, призвав на помощь Пречистую Деву, дала обет безбрачия. Старец Серафим Саровский благословил ее на обручение с Женихом Небесным... Подобные рассказы об Огненном Змее записаны и в наше время, особенно много – со слов вдов после Второй мировой войны.

Огненный Змей... В комнате, где Булгаков жил до 1915 года, на стене была сделана надпись: «Ignis Sanat («огонь излечивает») – прямая ассоциация с масонской аббревиатурой INRI. Она означает «огнем природа обновляется» и одновременно пародирует надпись на Голгофском кресте, где латинские слова Iesus Nasareus Rex Iudaeorum складываются все в то же INRI.

Напомним и еще одну важную деталь. «Прозрение» Михаила Афанасьевича было морфинистским.

Смесь дьявола с кровью

Мальчик задыхался. Счет шел на секунды. Трахеотомия, которую сделал доктор Булгаков прошла успешно, но в последний момент его словно кто-то под руку подтолкнул. Скальпель прорезал перчатку, и на пальце выступила капля крови. Как неприятно! Пришлось сделать себе прививку от дифтерита. Вскоре начался зуд и сильные боли. Когда Михаил Афанасьевич больше уже не мог терпеть, ввел себе раствор морфия. Боль как рукой сняло.

Морфий. Шприц с однопроцентным раствором. Укол – чье-то теплое прикосновение к шее – и забыты пугающие вести из больших городов, не слышна тревожная «музыка революции», отступают тоска и одиночество. Потом, в рассказе «Морфий», он напишет: «Первая минута: ощущение прикосновения к шее. Это прикосновение становится теплым и расширяется. Во вторую минуту внезапно проходит холодная волна под ложечкой, а вслед за этим начинается необыкновенное прояснение мыслей и взрыв работоспособности. Абсолютно все неприятные ощущения прекращаются. Это высшая точка проявления духовной силы человека. И если б я не был испорчен медицинским образованием, я бы сказал, что нормально человек может работать только после укола морфием».

Но дозы становились все больше. Двухпроцентный рас-

твор он назовет потом чертом в склянке. Булгаков осунулся, постарел. Смерть уже стояла на пороге. (Земская Е. Из семейного архива // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988).

Описанный в «Морфии» доктор Поляков – это, конечно, сам автор: «Я меряю шагами одинокую пустую большую комнату в моей докторской квартире по диагонали от дверей к окну, от окна к дверям. Сколько таких прогулок я могу сделать? Пятнадцать или шестнадцать – не больше. А затем мне нужно поворачивать и идти в спальню. На марле лежит шприц рядом со склянкой. Я беру его и, небрежно смазав йодом исколотое бедро, всаживаю иголку в кожу. Никакой боли нет. О, наоборот: я предвкушаю эйфорию, которая сейчас возникнет. И вот она возникает. Я узнаю об этом потому, что звуки гармошки, на которой играет обрадовавшийся весне сторож Влас на крыльце, рваные, хриплые звуки гармошки, глухо летящие сквозь стекло ко мне, становятся ангельскими голосами, а грубые басы в раздувающихся мехах гудят, как небесный хор. Но вот мгновение, и кокаин в крови по какому-то таинственному закону, не описанному ни в какой из фармакологий, превращается во что-то новое. Я знаю: это смесь дьявола с моей кровью. И никнет Влас на крыльце, и я ненавижу его, а закат, беспокойно гроыхая, выжигает мне внутренности. И так несколько раз подряд, в течение вечера, пока я не пойму, что я отравлен. Сердце начинает стучать так, что я чувствую его в руках, в висках... а потом оно

проваливается в бездну, и бывают секунды, когда я мыслю о том, что более доктор Поляков не вернется к жизни...»

Посвящение в литературу

Со слов Татьяны Николаевны, жены Булгакова, записан такой рассказ.

Однажды она с тихой радостью сказала, словно сюрприз преподнесла: «Миша, у нас будет чудесный ребеночек!». Муж помолчал немного, а потом ответил: «В четверг я проведу операцию». Тася плакала, уговаривала, боролась. А Миша все твердил: «Я врач и знаю, какие дети бывают у морфинистов». Таких операций Булгакову делать еще не доводилось (да и кто мог бы обратиться к земскому врачу, лечащему одних крестьян, с подобной просьбой?). Прежде чем натянуть резиновые перчатки, он долго листал медицинский справочник. Операция длилась долго, Тася поняла: что-то пошло не так. «Детей у меня теперь никогда не будет», – ту-по подумала она; слез не было, желания жить тоже. Когда все было кончено, Тася услышала характерный звук надламывания ампулы, а затем Миша молча лег на диван и захрапел.

Тому, что произошло дальше, нет другого объяснения, кроме мистического. Тася, атеистка с гимназических времен, вдруг стала молиться: «Господи, если Ты существуешь на небе, сделай так, чтобы этот кошмар закончился! Если нужно, пусть Миша уйдет от меня, лишь бы он излечился! Господи, если Ты есть на небе, соверши чудо!»

Дойдя до 16 кубов в день (четырёхпроцентного раствора

морфия!), Михаил вдруг надумал ехать советоваться к знакомому наркологу. Шел ноябрь 1917-го, в Москве пожаром разгоралось восстание. Свистели пули, но Булгаков их не замечал, и вряд ли даже сознавал, что в России происходит нечто страшное: он был поглощен своей собственной, частной катастрофой. Что именно сказал тогда коллеге московский доктор – неизвестно, но только с той поездки Михаил Афанасьевич стал понемногу уменьшать ежедневную дозу наркотика.

В этом хаосе морфий продавался уже совсем без рецепта и стоил не дороже хлеба, но Булгаков держался.

– Да, Тася, да, – однажды сказал он, заметив недоверчиво-счастливый взгляд жены. – Начинается отвыкание.

– Миша, я знала, что ты человек достаточно сильный.

Булгаков усмехнулся. Он знал: та стадия морфинизма, которую он переживал еще несколько недель назад, лечению не поддается. Произошло необъяснимое – как будто вмешалась какая-то сила, которая хотела от Булгакова не скорой гибели, а неких великих свершений...

Страсть к наркотику ослабевала. Демона Азазеля, который обучил допотопное человечество «силе корней и трав»³, вытеснило что-то другое. Более сильное. Он писал! Оставлен был не только морфий, заброшена была врачебная практика. Он писал! «Огнем природа обновилась»? До небес до-

³ См. Синописис свт. Димитрия Ростовского. Кстати, не случайно в знаменитом романе Булгакова именно Азazelло дает Маргарите волшебный крем.

шла молитва любящего человека? Или...

«Происшедшее с доктором Булгаковым было именно посвящением в литературу, совершившимся по всем правилам древних мистерий. Здесь присутствовали все три их составляющие: опыт соприкосновения с иным миром для получения мистического озарения, опыт смерти, умирания и, наконец, возрождение в ином качестве⁴. Морфий «убил» врача Булгакова и родил – гениального писателя»... (См. статью иеромонаха Нектария (Лымарева) в журнале «Русский дом» № 2 за 2002 год.)

В своей «Автобиографии» (1924 г.) Михаил Афанасьевич описывал все гораздо прозаичнее: «...окончил Университет по медицинскому факультету, получил звание лекаря с отличием. Судьба сложилась так, что ни званием, ни отличием не пришлось пользоваться долго. Как-то ночью в 1919 году, глухой осенью, едучи в расхлябанном поезде, при свете свечечки, вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ. В городе, в который затащил меня поезд, отнес рассказ в редакцию газеты. Там его напечатали.

⁴ «Ритуал посвящения включает символическую смерть посвящаемого, который вводится... в особое состояние, подобное анабиозу или летаргическому сну с помощью специальных магических заклинаний, ритуальной музыки и психоактивных веществ. Символическая смерть посвящаемого означает его разрыв с миром людей, для которых он как бы умирает, а значит, перестает быть человеком. В этом состоянии, как считают жрецы, душа покидает тело и совершает путешествие в «астральном» мире, встречается с «богами», получает от них тайные знания и силы, а также заручается поддержкой некоторых конкретных духов». (Игумен Н. Об одном древнем страхе. М., 2007.)

Потом напечатали несколько фельетонов. В начале 1920 года я бросил звание с отличием и писал».

Впрочем, намек на мистический поворот судьбы (вполне в стиле «Мастера») мы можем увидеть в «Заметках автобиографического характера», записанных в 1928–1929 гг. другом Булгакова филологом П. С. Поповым. Писатель доверительно сообщал ему: «Пережил душевный перелом 15 февраля 1920 года, когда навсегда бросил медицину и отдался литературе». Даже дату точную назвал. Да какую! 15 февраля ведь – Сретение Господне. Рожденный заново, Булгаков сам вошел в храм литературы. Но с кем же он встретился?

«Посвящение» в литературу или в творчество вообще – вещь не уникальная. Уже в середине XX века врач и философ В. фон Вайцзеккер «описал случаи, когда идея или философское понятие рождались после физической болезни, как бы занимая ее место, и предложил называть это явление «логофанией»» (Сироткина И. Классики и психиатры. М., 2009. С. 89).

Томас Манн писал, по сути, о том же: «Жизнь не жеманная барышня, и, пожалуй, можно сказать, что творческая, стимулирующая гениальность болезнь, которая преодолевает препятствия, как отважный всадник, скачущий с утеса на утес, – такая болезнь бесконечно дороже для жизни, чем здоровье, которое лениво тащится по прямой дороге, как усталый переход...»

Мистерия... Но ведь мистерия требует жертвы. Была

жертва. В жизни Булгакова – была. И какая! Собственный первенец. Чрево супруги стало алтарем, на котором отец собственноручно умертвил младенца. Такие убийства издавна считались знаком отречения от Бога.

В магическом круге

Постойте, постойте! Подобная «мистерия» произошла ведь и с другим гением: «Будучи студентом юридического факультета, Гёте серьезно заболел: болезнь казалась неизлечимой... «Я, – писал об этом Гёте, – был потерпевшим кораблекрушение, и душа моя страдала сильнее, чем тело». Родители препоручают юношу заботам д-ра Иоханна Фридриха Метца, о котором говорят, как о «человеке загадном [...] настоящем медике розенкрейцеровской традиции, для которого исцеление тела должно привести к исцелению души».

Д-р Метц спасает Гёте и передает его заботам Сюзанны де Клеттенберг, в доме которой собирается кружок пиетистов и оккультистов. Здесь Гёте читает Парацельса, Василия Валентина, Якоба Беме, Джордано Бруно и прочих. Его справочной книгой становится *Aurea Catena*, произведение алхимическое».

Как интересны совпадения в судьбах Булгакова и Гёте! Случайны ли они?

...Вошел изящный кавалер. Он бледен. В бархатном коlete и шелковом плаще, со шпагой. На берете колеблется тонкое петушиное перо... Узнали? Да, это он – Мефистофель. Говорят, столь известным его сделал Гёте... «Пьесы, картины, поэмы, романы, оперы, кантаты и фильмы. Начиная с XVI столетия и вплоть до настоящего времени, запечат-

лели они Фауста и его демонического спутника, Мефистофеля. Если включить сюда еще легенду о Дон-Жуане, тесно связанную с историей Фауста, – со всеми ее воплощениями, от моцартовского «Дона Джованни» до «Дон Жуана в аду» Бернарда Шоу, – эту историю можно считать пятисотлетним лейтмотивом западного искусства» [66]. А, может быть, наоборот? Может быть, это великий классик стал таковым благодаря демону?

Полноте! Что за парадокс? Как может литературный персонаж прославить автора?

Итак, вошел изящный кавалер... Но почему так пахнет псиной? Ах, только что здесь был черный пудель! Откуда он взялся? Куда делся?

Гёте: кто там за левым плечом?

Гёте странным образом «путал» божественное и демоническое: «Всякое творчество высшего порядка, всякий значительный замысел, всякая великая мысль, приносящая плоды и не пропадающая бесследно, не подчинены ничьей власти и стоят выше всякой земной силы; человек должен считать все это неожиданными дарами, проявлениями Божества, которые он должен принимать и почитать с радостной благодарностью. Все это родственно той демонической силе, которая по своему произволу распоряжается человеком... В подобных случаях на человека часто надо смотреть как на орудие высшего промысла» [цит. по 82].

Какой же «промысел» заставил создать Фауста и Мефистофеля? Неужели и взаправду «высший»?

Насчет Мастера и Воланда мы еще поговорим, а пока скажем о Фаусте. Вы знаете, главный герой Гёте не выдуман! Мы имеем дело с псевдонимом реального ученого, характерным для гуманистов «Возрождения». По сути, взамен христианских имен они принимали новые, инициатические.

...В романе Булгакова есть такой эпизод с Мастером: он взглянул на иконку с изображением ангела-хранителя и увидел, что ангел отвернулся от него. Да, Мастер ведь и сам отрекся от своего небесного покровителя, отказавшись от имени, данного ему при крещении.

Получившие инициатические имена adeпты называли се-

бя «посвященными». Но никогда не уточняли: посвященными – кому. Теперь-то, из биографий, уже ясно: демонам гордости, славы, сластолюбия... Самонадеянный Филипп Аурелий Теофраст фон Гогенгейм величал себя Парацельсом, то есть лучшим, чем знаменитый Цельс. Другой врач, ученик Агриппы, Иоганн из Дюссельдорфа, устрашающе назвался Вирусом, то есть ядом. Охотник до барышень и вина Георг Хельмштеттер взял имя Фауста. По латыни Фаустус – «счастливый». Почему же от этого несчастного Георга, «доктора Джекила», отделился «мистер Хайд»?⁵ Какого же счастья захотел Хельмштеттер?

Человек всегда хочет счастья. Так было, и так будет – и на Западе, и на Востоке.

Каково происхождение русского слова «счастье»? Первоначально это – «хорошая часть, доля». В православном сознании – близко к понятию «причастие». Счастье – быть с Богом.

Фортуна – это «счастье» человека западного мира. Знаете, как изображается этот языческий кумир? Фортуна стоит на шаре (что означает зыбкость удачи), с повязкой на глазах и рогом изобилия. В Древнем Риме ее культ особенно возрос со времени Сервия Туллия, который построил несколько храмов Фортуны. Он был уверен: богиня возлюбила его

⁵ См. роман Р. Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда».

настолько, что сделала из сына рабыни – царем. В русском фольклоре такой сюжет редок, но известен. Он называется недвусмысленно: «Повесть об убогом человеке, како ево диявол произведе царем»... Фортуна, как видим, может подарить земную власть, славу. «Радости» власти и славы, винопития и блуда сыпятся из ее же рога... Сдается мне, что рог этот позаимствован у диавола.

Прижизненных, достоверных свидетельств о жизни и смерти Фауста, этого современника Агриппы и Парацельса, предостаточно. Вот некоторые из них, датированные XVI веком⁶.

⁶ Цит. по: Махов А. Е. Сад демонов. Словарь инфернальной мифологии Средневековья и Возрождения. 1998.

Фауст. Гравюра XVII века

Филипп Меланхтон: «Однажды в Нюрнберге ему в самом начале трапезы стало жарко. (Видимо, он уже почувствовал под собой костер.) Он тотчас же встал и заплатил хозяину, что был должен. Только он вышел за дверь, как тут же явились сыщики и спросили, где Фауст».

Богослов Иоганн Гаст, лично встречавшийся с Фаустом: «Злосчастный погиб ужасной смертью, ибо диавол удушил его. Тело его все время лежало в гробу ничком, хотя его пять раз поворачивали на спину».

Магическое кольцо и круг Фауста. Даны по его описаниям.

Богослов Иоганн Вир: «Его нашли мертвым в одной деревне Вюртембергского княжества, лежащим около постели со свернутой головой. Говорят, что накануне в полночь дом тот вдруг зашатался».

Профессор Гейдельбергского университета (в нем учился Хельмштеттер) Августин Лерхеймер: «Тот же дух вскоре безжалостно умертвил его, прослужив ему перед этим двадцать четыре года».

Сам Фауст описал, как впервые вызвал духа. Не начертив охранительного круга, начинающий маг оказался полностью во власти пришельца... Он и взаправду был в магическом круге предрассудков, характерных для ученого немца. Порядок, «методология», думал он, важнее всего и в оккультизме. «Великий маг» так и не понял, в чем ошибка. Проявив волю к общению со злом, спастись от него нельзя никакими кругами. Впрочем, что-то Фауст подозревал еще задолго до своей страшной смерти.

«Хотя черный маг во время подписания акта со стихийным демоном может быть полностью убежден в своей силе и способности контролировать бесконечные силы, которые ему даются в распоряжение, часто мага очень быстро обманывают. Пройдет немного лет, а он уже будет устремлять все свои усилия на самосохранение. Мир ужаса, в который он се-

бя вверх из-за своей жадности, приближается каждый день, и, наконец, он обнаруживает себя на краю водоворота, ожидая всякий раз, что его поглотит пучина. Боясь умереть... маг совершает преступление за преступлением из стремления продлить свое несчастное земное существование» (цит. по: Мэнли П. Холл. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии». Т. II. Новосибирск, 1992).

Нет, неспроста «счастливчик» заговорил о «несчастном земном существовании» мага. Со знанием дела написано. Со всей психологической убедительностью.

(Характерно, как в Германии в 1932 году решили отметить память Гёте. «Примерно за полтора года до описываемых событий знаменитый английский «охотник за привидениями» Гарри Прайс вдруг объявил, что нашел немецкую рукопись XV века, которая будто бы послужила для Гёте источником сцен ведьмовского шабаша на Брокене. Среди прочего манускрипт содержал описание некромантического ритуала превращения белого козла в юное человеческое создание «непревзойденной красоты». Узнав об открытии Прайса, организаторы мероприятий в ознаменование 100-летия смерти Гёте стали настойчиво приглашать его в Грац, дабы там, вблизи горы Брокен, провести сеанс черной магии. Прайс тянул время, искал благовидные предлоги для отказа. И все же в июле ему пришлось приехать в Грац. Вслед за ним туда съехались из разных стран журналисты, съемочные груп-

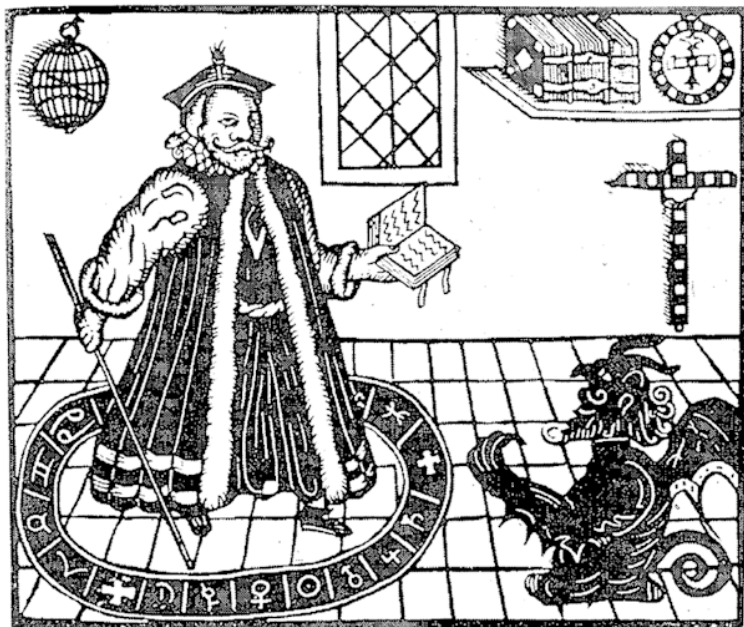
пы киностудий и энтузиасты паранормальных явлений. Сеанс закончился полным конфузом. Невзирая на замысловатые латинские заклинания, козел не пожелал превращаться. Позор Прайса запечатлели кинодокументалисты Европы и Америки». («Совершенно секретно». № 7, 2003). Каково было разочарование европейцев XX века! Дьявол не явился! Хотя на самом деле он был уже рядом. Близился 1933 год.)

А вот еще эпизод из жизни Фауста: «... францисканскому монаху из Эрфурта доктору Клинге, который «хотел вырвать его из лап дьявола и обратить в истинную веру», он гордо ответил: «У меня есть свое письмо и печать, которые я скрепил собственной кровью. Мне во многом помог черт, он был честен со мной, и я буду честен относительно всего, что я сказал и пообещал черту» [4]. Браво! Честный немец!

Незадачливый заклинатель. Старинная гравюра

В руководстве по магии (написано в 1524 году) Фауст рисует портрет своего «помощника». «Асиель: самый могучий из всех духов, которые поступают на службу людям. Он появляется в приятном человеческом образе примерно трех футов росту. Его нужно заклинать три раза перед тем, как он появится в заранее очерченном для него круге. Он достает богатства и любую вещь из любого края, согласно пожеланиям волшебника. Он быстр, как человеческая мысль». (Вот этот «симпатичный» коротышка и свернул своему подопечному шею.) В легендах о Фаусте (например, изданной в 1587 году народной книге Mephostofiles), Асиелю было присвоено «говорящее» имя. Его произвели, скорее всего, от еврейского mephiz – «разрушитель» и topfel – «лжец».

Фауст в магическом круге вызывает Мефистофеля.
Из «Трагической истории доктора Фауста» К. Марлоу.
1631 г.

Мефистофель в профессорской шапочке

Итак, Мефистофель – реальный личный демон реально-го доктора Фауста. Скептический остроумец и не такой уж страшный ночной посетитель. Вот внешность, нарисованная Гёте. Она намного отличается от известных описаний магических инкунабул. Ведь из них можно узнать, что наиболее «приятное» воплощение Асиеля – это маленький лысый человек в черной шапке. А тут – какой щеголь! С пером! Да, не очень привычный для времен Гёте образ демона. (Разве что Панург является у Рабле не просто трехсотлетним, бледным и покрытым шрамами, но и – аристократично-красивым, высоким и элегантным. Важная деталь: Панург («вседелатель») учился в Толедо, важнейшем центре кабалистики). Знаменитый поэт явно приукрасил бесяру. Но самое главное, изобразил его – ни больше, ни меньше – служителем Бога. «Бог не только терпит, но и утверждает злой замысел Мефистофеля. Он даже сознается в некоторой привязанности к Дьяволу. «К таким, как ты, вражды не ведал я»:

Хитрец, среди всех духов отрицанья,
Ты меньше всех был в тягость для меня.
Слаб человек; покорствуя уделу,
Он рад искать покоя, – потому
Дам беспокойного я спутника ему:
Как бес, дразня его, пусть возбуждает к делу!

Да, Гёте как будто выполнил «пиаровскую» акцию. Если предположить, что это так, то ее заказчиком был сам ад. Но тогда поэт имел инфернальные контакты? Гёте, который всю жизнь был «противником всего вулканического»? Который решительно боролся с различными проявлениями демонизма в искусстве? На этот счет Цвейг делает тонкое замечание: «... именно этот озлобленный отпор убедительнее всего доказывает, что для его искусства борьба с демоном была вопросом существования, ибо только тот, кто встретился в жизни с демоном, кто, содрогаясь, заглянул в лицо Медузы, кто испытал эту пытку, лишь тот может ощущать в нем столь опасного врага. По-видимому, в чаще своей юности Гёте пришлось, решая вопрос о жизни и смерти, столкнуться с этой опасностью, — об этом свидетельствуют пророческие образы Вертера, Тассо... — образы, созданием которых он отвратил от себя их судьбу. От этой ужасной встречи у Гёте на всю жизнь осталось озлобленное благоговение и нескрываемый страх перед смертельной силой великого противника. Магическим взором он узнавал кровного врага во всяком образе и воплощении: в музыке Бетховена, в «Пентесилее» Клейста, в трагедиях Шекспира...» С пониманием дела написано.

Если Цвейг прав, понятным становится, почему Гёте переделал трагический финал повести о Фаусте из народных

легенд. У писателя ученый прощен и спасен. Так автор успокаивает читателя. Или самого себя?

Томас Манн в подобном сюжете более традиционен. «Манн начал работать над «Доктором Фаустусом» в 1943 году и завершил его через два года после войны, в 1947-м. Главный герой, Адриан Leverkюм, – не только Фауст, его прообразами также являются Лютер, Ницше, Вагнер и вся Германия, в особенности, Германия после 1918 года. Ужаснувшись разрушению европейской цивилизации и окончательному ее краху в Германии, Манн отринул гётевский оптимизм, вернувшись к пессимизму первоначальной книги о Фаусте, где ученый был проклят. Приговорив Фауста, Манн вынес приговор всему западному обществу XX столетия с его фаустовским порывом» [66].

Случайно ли и у Булгакова Воланд, этот новый Асиель, появился? Казалось бы, совсем не вовремя. Не то время на дворе. Да и в прозе – социалистический реализм... Впрочем, Воланд, надо признаться, весьма реалистичен. Как будто личного знакомого описал Михаил Афанасьевич. А что, может быть, они и были знакомы?

О мистической экологии

О, в жизни человека бывают такие случаи и встречи, что и не знаешь, как к ним относиться. Что такое, например, полет на бал сатаны или на Лысую гору – разве не полет фантазии? Впрочем...

«В деревне Теребенево (Жиздринского уезда, Калужск. губернии) семилетняя девочка Саша говорила матери, что она с теткой Марьей, у которой жила в няньках, каждую ночь летала на лысую гору.

– Когда все заснут, погасят огни, тетка Марья прилетит сорокой и застрекочет. Я выскочу, а она бросит мне сорочью шкуру, надену я ее – и полетим. На горе скинем шкуры, разложим костры, варим зелье, чтобы людей поить. Слетается баб много: и старых, и молодых...

То же самое Саша рассказала отцу... Думал, думал отец и надумал сводить свою дочку в церковь, исповедовать ее, причастить. Да не возьмется ли священник отчитать ее?!

От исповеди, однако, девочка сама отказалась:

– Ведьмы не молятся и не исповедуются!

И в церкви повернулась к иконостасу спиной. Священник отчитывать отказался и посоветовал девчонку хорошенько выпороть.

– Какой сорокой она скидывалась, куда летала? И ты, дурак, веришь болтовне ребенка?

В волости жалобщику поверили и Марью признали за колдунью. Порылся писарь в законах и оповестил:

– Нет, брат, против черта ничего не поделаешь: никакой статьи противу его я не подыскал» [70].

Да, и прежде, и в наши дни: никакой юридической управы на дьявола не сыщешь. Вроде как и нет его. А он – вот он! Нарядился этнографически-фольклорным персонажем и посмеивается.

В конце XIX – начале XX веков сюжет договора с дьяволом зафиксировали многочисленные записи этнографов – П. Минорского, А. Колчина, С. Гуляева, П. Богатырева и других. Да мало ли еще не известных бывальщин о колдунах отложилось в архивах Русского географического общества! Эти свидетельства ждут вдумчивого исследователя, но, конечно, православного, имеющего благословение на сей опасный труд. Невоцерковленный ученый может легко «облутиться» от материала, внутреннего смысла которого он не понимает. Профессор-материалист ведь в этих вопросах – полный неуч. Меж тем Ивашка Волошанинов (дело 1677 года), давая списывать Мишке Свашевскому текст присушки, включающей отречение от Бога, говорил, «чтоб он, Мишка, тех писем не много чел, а буди стане честь много, и к нему найдет нечистых духов много, и от них де ему отговоритца не суметь».

Неправославный публикатор «этнографического материала» и вообще опасен для общества. Он может распро-

странить эпидемию тысячными тиражами. Вот академик Н. И. Толстой подчеркивает важность классификации заговоров и заклинаний: «Результаты эти... могут быть использованы в качестве исходного материала для последующих операций – для внутренней реконструкции славянской духовной культуры» [85]. Реконструкция колдовства? Но это ведь возобновление разговора с бесами! Понимает это академик или нет? Рано или поздно, завершив «реконструкцию», пытливый исследователь захочет применить заклинание на практике. А желание, проявление свободной воли, направленной в ад (даже по незнанию), – как раз то, что и нужно рогатому. Придет ведь! Не боится ли академик, что и сам «отговоритца не сумеет»?!

Есть о чем задуматься, есть. Бабушки и шаманы ведь, давая интервью исследователю, в обычном состоянии даже воспроизвести всю жизнь повторяемые тексты не могут, только в трансе. Это ни о чем не говорит этнографу? Не задумывается ли он, выискивая передаваемые из поколения в поколение тексты, откуда взялся самый первый из них? И не удивляется ли, когда новые абракадабры рождаются у него на глазах? Бу-бу-бу... Бу-бу-бу... И – «арип» (аминь на тарабарщине).

Вот современный ученый записывает за женщиной-шаманом: «Я получаю какое-то сообщение, то есть я пишу на бумаге иероглифы, а потом сама для себя их прочитываю – то есть я... сама для себя знаю, что там написано.

– Пишите Вы это в особом состоянии, когда рука как бы произвольно делает это сама?

– Да, рука произвольно пишет...» [85].

Это не просто загадочный феномен. Это нечто, имеющее к нашей теме самое прямое отношение. Впрочем, к столь важной для «свободного творчества» теме мы еще вернемся.

Договор подписан кровью

Предваряя разговор о взаимоотношениях Воланда и Мастера, а также Булгакова и кого-то нам неизвестного (может быть, и с петушиным пером!), обратимся к исторической аналогии.

Был некий священник Теофил из малоазийского города Адана. Когда ему предложили епископство, он благочестиво отказался. А новый епископ обрушил на него несправедливые гонения. Теофил поклялся отомстить. Он обратился к еврейскому магу, который ночью привел его в пустынное место. Там священник обнаружил дьявола со свитой. Теофил произнес клятву верности сатане, отрекся от Бога, подписал договор и поцеловал владетеля ада в знак верности. Былое влияние возвратилось к нему, он проводил время в роскоши. Однако пришел час расплаты. Дьявол послал за ним демонов. Теофил раскаялся и просил помощи у Богородицы. Пречистая спасла несчастного клирика.

Сия история – одна из первых в христианской литературе, повествующих о договоре с дьяволом. Она была зафиксирована Евтихианом в VII веке. (Хотя еще раньше блаженный Августин писал о магии и астрологии как проявлении «губительной общности между человеком и демонами», как о договорах неверной и коварной дружбы.) С тех пор пакт смерти подписывали сонмы несчастных. Вот текст одной та-

кой inferнальной сделки: «Темнозрачному адских пропастей начальнику и служителем его демоном вручаю душу и тело мое, ежели по моему требованию чините мне споможение будут. Кровию своею подписался Иван Робота». Было это в 1749 году.

В разные века с такими договорщиками поступали согласно духу времени. Сжигали на кострах, объявляли психически больными или жертвами «объективных социальных процессов». Потом усилиями литераторов и кинематографистов эта тема и закрепилась в сознании как мифическая. Однако...

В конце 80-х знакомый мне игумен был настоятелем крупного провинциального монастыря. И в те годы, когда страна являлась еще практически атеистической равниной, он трижды столкнулся с реальностью того, что кажется многим всего лишь плодом писательской фантазии или средневекового религиозного фанатизма. Он столкнулся с реальностью договора с дьяволом.

...Сорокалетний партийный работник оказался в монастыре, конечно, впервые в жизни. Его била крупная дрожь, и он едва способен был рассказать то, что с ним произошло. Суть сводилась к следующему.

Его папа был генералом НКВД, любимцем Хрущева. Он умер, когда сын заканчивал школу. Вскоре к нему, комсомольцу и активисту, явился некто и предложил подписать договор. Взамен пообещал: все, что хочешь, в жизни у тебя

будет.

И теперь он явился снова: «Ну, мы свой договор выполнили. Теперь выполняй ты. Вот папино ружье на стене. Снимаешь носок, дуло вставляешь в рот и пальцем ноги нажимаешь на курок. Боли не успеешь почувствовать».

– Да мне же всего сорок лет! Я еще жить хочу! Почему именно сейчас?!

Пришелец грустно объясняет, как непонятливому ученику: «Мы тебе все уже дали. Ничего нового в жизни не будет. Ну, очередная попойка на партийной даче, очередная женщина. Будет изменяться только количество... Не бойся».

– Нет, нет! Ни за что!

– Ну смотри, хуже будет!

Партработник согласился исповедоваться, стал жертвовать деньги храмам, но раз от разу приходил во все более жутком виде. Оказалось, что каждый день некие прилично одетые «люди» встречают его и избивают жесточайшим образом. Лицо несчастного превратилось в сплошной синяк с желтыми подтеками под глазами. Однажды священник даже не узнал в этом существе еще недавно вполне респектабельного функционера.

А тот, содрогаясь от воспоминаний, поведал об очередном предложении ада.

Он проснулся ночью, почувствовав, что в комнате есть кто-то еще. Ноги, спущенные с кровати, наступили на что-то мягкое. На полу лежал огромный дог. Откуда он взялся в за-

пертой квартире? Вдруг собака подняла голову и произнесла: «Ну, если боишься из ружья, возьми кинжал из папиной коллекции. Острие приставляешь на два сантиметра ниже левого соска, слегка хлопаешь по рукоятке... Будет немного».

Батюшка отправил его в келью – подготовиться к исповеди.

Вскоре тот в ужасе примчался вновь: «Сейчас он шел мне навстречу по лестнице. Сказал: если не уберешься из монастыря, будет еще хуже». И, словно безумный, бросился куда-то за ворота обители...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.